

## Без веры нам жизнь не прожить

Деревня Боголюбовка, располагавшаяся на степных просторах Омской области, была основана в 1910 году переселенцами из Украины и Белоруссии. Площадь занимала большую, а дворов было всего полторы сотни. Если взглянуть на неё с высоты, похожа она была на огромную букву «Г».

Максименки приехали сюда из Украины, из – под Белой Церкви. Было их четыре брата. Земли получили вволю, почти даром: мизерная плата да выставленное для общины угощение.

Николай Алексеевич родился в 1922 году. К труду приобщился сизмальства: мог делать многое, но больше всего тянуло его к лошадям, и уже в семь лет самостоятельно боронил пашню.

Отец занимался торговлей, или, как говорят сейчас, бизнесом: скупал по окрестным деревням подсвинков, откармливал их, а потом увозил мясо в Омск на продажу. На вырученные деньги прикупал ещё земли. В 1929 году несмотря на то, что владел 30 -ю гектарами, купил у общины ещё десяток га целины. Вспахал трактором «Фордзон» 6 гектаров, и Коля со старшим братом Владимиром за два дня засеяли это поле. Работали только сами, не прибегая к наемному труду. Но все равно их считали кулаками и обложили твердым налогом. Однако выкручивались, благо ни сил, ни времени не жалели. Хозяйством в основном занимались мать с пятерыми детьми, отец же почти постоянно находился в разъездах, стремясь как можно быстрее реализовать продукцию. И когда в 30-м году докатилась волна раскулачивания до Боголюбовки, дома его не оказалось. А остальных...

### *Лес рубят – щепки летят*

Остальных выбросили из-под родной крыши и привезли на Кулай – речку – приток Черталы. Стоял март. Их выгрузили прямо на снег.

Предаваться горю времени не было, надо было думать, как жить. И стали строить шалаши, а потом рубить избы. Но это те, в семьях которых были мужики. Кто не смог соорудить хотя бы подобие жилья, ударились в бега через болота. Но достичь «большой земли» удалось мало кому. Этот путь впоследствии назвали «дорогой смерти».

По этой дороге приезжал к Максименкам отец, привезя целую подводу хлеба.

Мать собрала необходимые документы и отправила жалобу аж в самую Москву. Видно, в хорошие руки попали они, так пришло разрешение вернуться на прежнее место жительства и распоряжение вернуть всё, что было отобрано: две лошади, корову, жеребенка орловской породы.

Отец вступил в колхоз, находившийся в соседней деревне, но мать отказалась переезжать туда. Тогда отец перешел в совхоз, где разводили лошадей. Свойственная ему предприимчивость поначалу сослужила добрую службу: ему удалось по дешевке купить 600 лошадей, чем заслужил благодарность директора.

Жизнь стала налаживаться. Но тут фортуна повернулась к Максименкам спиной: 15 мая 1931 года накатил новая волна репрессий. Алексея Максименко арестовали одним из первых. Директор совхоза кинулся было его защищать, но ему посоветовали утихнуть, пока сам не загремел.

Погрузили их вновь, на этот раз вместе с отцом, на баржу и повезли по Иртышу на север, затем по Оби до Каргаска. Люди падали, как мухи: каждый вечер хоронили по 15-20 человек. И, если в начале пути, в Коломино, баржа была так забита, что можно было только сидеть, то к концу дороги можно было уже лежать.

В Каргаске людей перегрузили на баржу «Сибпушнина», и Максименко со своими земляками попали на чижапскую землю. Шкипер Федор Цыган на катере «Остяк» повез их по реке Чижапке. Остановились у яра, названного в честь жившего здесь остяка Максима – Максимкино. Место понравилось; кругом кедрач, вдоволь ягод и грибов, а речки полны рыбой. Да и озера, которых было немало, кишели рыбой. А поскольку отец Николая был заядлым рыболовом, то местом остался доволен.

Воистину, кто малым доволен, тот у Бога не забыт. Тремя семьями начали рубить барак, половина которого отошла Максименкам, а во вторую вселились Кальченко и Ярченко.

Сложил Алексей с сыновьями русскую печь, настелил полы, а вдоль стен соорудил нары. Тут очень кстати выдали их месячный паек, и Алексей созвал всех соседей на новоселье: Ласково просимо, шановни громадяне, на уху...

### *Охота пуще неволи*

Отец пошел в рыбаки, а Коля с Володей к нему в помощники. Обеспечивали они семью рыбой, помогали отцу готовить дранку, кололи клёпку. А на следующий год вскопали в кедраче огород, рассадив сбереженный мешок картофеля. Урожай поразил: накопили целых 22 мешка! Собрали 60 ведер моркови, насолители две бочки капусты. Жить можно!

Отцу удалось купить ружье, Коля с Володей каждое утро плавали на обласке на охоту. Стрелять отец разрешал только 12 – летнему Володе, но тот отдавал ружье Коле: он торопился, стрелял очень спокойно и всегда точно. Случалось, одним выстрелом брал сразу двух гоглец – эту хитрую птицу. Отцу не говорили, кто главный добытчик, но каждое утро до десятка уток привозили. И это было хорошим подспорьем в питании.

Но вот построили школу, и Коля с Володей сели за парты второго класса: первый они окончили в Боголюбовке. Однажды приходит Коля из школы и видит: над самым домом пролетел селезень и сел в конце огорода. Мальчишка быстро заскочил в дом, схватил ружье, выстрелил и – селезень в руках. Только вернулся в ограду, как наткнулся на отца.

- Стреляешь, Колька? И давно?

Ни жив, ни мёртв стоял мальчишка, ожидая отцовского арапника, зная, что тот скор на расправу. Но все же признался, что стреляет с весны.

- Ну хорошо. Только соблюдай правила зарядки и разрядки ружья...

А с 12 -ти лет уже сам брал Николая на охоту, благо Коля к этому времени окончил 4 класс, и на работу. Кроме клепки и дранки готовили пихту. Сменная норма – 2 кубометра лапки. Нелегко приходилось мальчишке. Но он справлялся.

Наступило лето. Коля на обласке начал возить сводки на 70-й километр, где располагалась комендатура. Поднимался вверх по Чижапке на 25 километров, с трудом пробиваясь сквозь ревущий поток километрового переката у Белой горы и теша себя мыслью, что на обратном пути он уже лихо промчится вниз.

70-й километр тоже располагался на высоком яре. Комендант Кречетов обычно поджидал его на берегу. Это был представительный и строгий мужчина. Но справедливый, не в пример их уполномоченному, который ближе 5-ти метров не разрешал к себе подойти: сразу выхватывал револьвер.

Кречетов за руку, как со взрослым, поздоровался с Колей.

- Николай, ты, наверно, есть хочешь? Вот, возьми бумажку, по ней выдадут килограмм хлеба. А если ночуешь здесь – надо завтра пакет в вашу деревню послать, то утром еще килограмм хлеба получишь.

Да за килограмм хлеба можно и не то сделать! Коля с радостью согласился.

Короткой оказалась жизнь в «раю».

Школу в поселке сначала закрыли, потом вновь открыли, и Коля с Володией повторно пошли в четвертый класс. А что дальше? Учиться очень хотелось, и Коля сказал отцу, что в Чижапском детском доме есть пятый класс, и шестой, а ему очень хочется продолжить учебу.

- Ну, что ж, - ответил отец. – В лесу лес неровен, а в миру – люди. Не всем же пахать. Работник ты хороший, но учебе поможет тебе в жизни. Пойдем к Кречетову, может, отпустит, в детдом отправит. Он как раз здесь.

Как на крыльях, полетел Колька к коменданту. Тот поздоровался опять – таки за руку, спросил, как дела.

- Хочу учиться, хочу в детдом.

Кречетов улыбнулся, послал за отцом.

Взяли в детдом Николая и семилетнего Петю, а Машу и Лену определили в детсад. Кречетов сам проводил детей до Чижапки и всех пристроил. На прощание напутствовал:

- Учись так же, как работал, и с ребятами из детдома будь в дружбе. Запомни: горек будешь – расплюют, сладок будешь – расклюют.

Вслед за ребятами сбежал и Владимир. Тоже поступил в пятый класс.

Коля чувствовал себя так, словно попал в рай: не работаешь, а кормят «от пуза». Да ещё как! Белый хлеб, каша рисовая и другие каши, компоты, колбасы, мясные и молочные блюда, сливочное масло. Коля менял на хлеб и другие продукты различные вещи и игрушки собственной поделки и подкармливал Володю, который жил на квартире. За вечное соби́рание продуктов детдомовцы прозвали его Бурундуком.

Учились братья блестяще и пятый класс окончили с похвальными грамотами.

### ***Каждой сношке – свои сережки.***

Фортуна – девица капризная: только что смотрела в глаза и вдруг резко повернулась спиной – всех, у кого были живы родители, отчислили из детдома, в том числе и Колю, которому исполнилось 14 лет. Петю, правда оставили.

Поехали они в Малый Яр, потому что поселок Максимкин Яр был ликвидирован.

Снова новое место, снова надо было обустроиваться. И работать.

Жить стало намного труднее. Погоревал Коля (кому – то квасок с хренком, а кому - то в зад пинком), да жить надо. Рыбы и здесь оказалось навалом, особенно в Малоярском чуворе.

Трижды в день бегали на этот чувор, налавливая каждый раз по ведру окуней на брата. Рыба была крупной, однажды попался такой окунице, что Иван не мог его вытащить в одиночку.

К осени поехали в Максимкино, где знали много ягодных мест и где рос богатый кедрач. Николай установил норму для младших братьев: набирать за день по 3 ведра смородины.

Сам тоже брал ягоду, сушил. Сухая смородина была в цене – 5 рублей за килограмм. А деньги нужны были в первую очередь на учебу и одежду.

Потом к братьям присоединился Владимир, и они вчетвером насобирали 100 мешков кедровых шишек. Шишки оставили в бараке, а сами с мешком сухой смородины поехали домой. Выручили за него 250 рублей, деньги по тем временам немалые...

К сентябрю вернулись в Чижапку. Устроились на квартиру к Гориным. Отец, провожая сынов, дал им ружье. Это был замечательный подарок: глухарей и боровой дичи в округе было достаточно, а стрелок Николай отменный.

Так прошли два года. Николай с Владимиром окончили семилетку с отличием, и их без экзаменов зачислили в Томское педучилище. Впереди взрослая жизнь.

### *Через тернии – к цели*

1939 год. Томское педучилище. Провожая Николая с Владимиром на учебу, отец сразу предупредил, чтобы на большую помощь не рассчитывали, а комендант Кречетов пошутил:

- Хотя ученье горьким зрится, да сладкий плод от него сгодится. Стипендия была всего 50 рублей, и хватало её лишь на хлеб да сахар. Изредка позволяли они себе роскошь – сходить в цирк или кино. А 7 января 1940 года ввели лимит на продажу хлеба. Однако, Николай оказался парень не промах: ухитрился проникать в столовую медиков и там получать еще 600 граммов хлеба. Так что можно было жить не голодая.

Проучились братья год и отправились на каникулы, поставив перед собой цель – заработать за лето столько денег, чтобы можно было одеться, обуться и кое-сто скопить как прибавку к стипендии.

Но не зря говорится, что человек предполагает, а Бог располагает: в октябре учащимся сообщили, что стипендия отменяется. 30 человек сразу же бросили учебу. В их числе и братья Максименки.

Николай пошел охотничать от колхоза, а с наступлением лета перешел на пихтовый завод. Следующую зиму отработал на лесоповале в Старо – Маргине. Надо сказать, что ему повезло с напарником: за зиму они с Сергеем Симкиным свалили 800 кубометров леса.

### *Сквозь огонь и дым пожарниц*

Шла война. В первый год после ее начала ссыльных кулаков и их детей на фронт не брали. Но потери оказались большими, особенно с началом Сталинградской битвы, и тут было уже не до разделения. 20 сентября 1942 года получил повестку из военкомата и Николай.

По дороге встретился с Иваном Дворенко, отличным гармонистом. Вскладчину купили гармонь, и жизнь пошла веселее.

В Новосибирске выдали новобранцам обмундирование, отправили в Омск. Месяц учебы в Чертовых Ямах и в эшелон. До Москвы ехали 22 дня. Потом трое суток просидели на Казанском вокзале (в город не пускали) и снова погрузили в эшелон.

Их привезли в укрепрайон Клин – Калинин – Ржев. Располагались в окопах, а мороз трещал под 40 градусов. К тому же кормили плохо, по ночам – непрерывные атаки, днем – бомбежки. Личный состав рот пополнялся почти непрерывно, так как к концу дня, вернее, к утру следующего, в роте оставалось по 15 – 20 человек. Однажды привезли пополнение, состоящее из мужиков 50 – 55-ти лет. Николая, как обстрелянного, грамотного солдата, назначили командиром отделения. А, узнав, что он отлично стреляет, направили в разведку.

Советские войска готовились к освобождению Ржева. Накануне атаки 30 января 1943 года разведчики вдруг обнаружили, что город свободен от оккупантов: немцы, опасаясь котла, скрытно и спешно вывели свои войска.

Кинулись вдогонку, и здесь не повезло молодому разведчику: немцы забросали их отряд минами, и Николай получил тяжелое ранение в руку, да еще и контузию.

Его привезли в госпиталь в Клин, затем переправили в Шую, а оттуда в Чувашию. Руку он отстоял, не дал ампутировать, но пролежать пришлось без малого три месяца.

### *Учить и учиться*

В августе добрался до родителей. В Каргаске военком посмотрел документы, оценил бравую выправку и то, что больше месяца Николай командовал отделением (для фронта это срок немалый), и предложил поехать в Тымск военруком.

Николай не спешил давать согласие, уж очень соскучился по лесу, хотелось поохотиться на боровую дичь: не раз ему снилось, что целится из ружья в глухаря. Но только долго отдыхать ему не дали: из военкомата пришло предписание немедленно выехать в Тымск.

Поскольку Николай был хорошим математиком, ему тут же предложили параллельно с военным делом преподавать эту точную науку, поскольку учителей катастрофически не хватало.

Первый учебный год пролетел незаметно, а на следующий Николая направили в Вертикос, где находились дети, эвакуированные из Ленинграда. Работал военруком. А в 1945-м ленинградская детвора вернулась в свой родной город на Неве. Директору настолько понравился молодой учитель, что она пригласила его ехать с ними, обещая, что в Ленинграде ему помогут с учебной. Однако, Николай пожалел родителей: братья Владимир и Александр воюют, Иван учится, значит, надо помогать. И он вернулся в Тымск.

Съездил в Колпашево, сдал экзамены за второй курс педучилища, и РОНО направило его учителем начальных классов в Усть – Тым. Согласился, рассудив, что учить – ум точить, а это всегда полезно.

В 1947 году Николая перевели в Мучпар. Понравилось ему здесь. Родителей перевез, и брат Александр сюда же приехал после фронта.

Николай женился, обзавелся хозяйством, спустя два года получил диплом, и на душе стало спокойнее: не зря говорят, что кукушка - не ястреб, а недоучка - не мастер. И в РОНО отношение к нему изменилось-дипломированный работник. И когда в Наунаке открыли семилетнюю школу, зав. Районо Г.П. Шаволгин без колебаний назначил её директором Н.А. Максименко.

Директорствовал Николай Алексеевич год, а потом передал этот пост молодому человеку, имеющему высшее образование, сам же начал преподавать математику. В институт поступать не стал, потому что все чаще стала сказываться фронтовая контузия: голова болела при самом незначительном напряжении.

В 57-м Максименки переехали поближе к райцентру, к больнице. Николай Алексеевич стал заведовать начальной школой в Лозунге. Посёлок был большим, детей много, и Максименко поднял вопрос об открытии восьмилетней школы. Его поддержал зав РОНО Геннадий Антонович Моисеев, и за лето бригада гуцулов срубила здание школы. Первым её директором стал Николай Алексеевич.

*Девиз не сдаваться!*

В начале 70-х школу в Лозунге закрыли, и Максименко остался без работы. Его педагогический стаж насчитывал 31 год. Здоровье слабело на глазах. После очередного сердечного приступа ему дали инвалидность II группы.

Но сдаваться не хотелось. Переехав в Каргасок, пошел в ПТУ воспитателем. Но спустя три года врачи настоятельно потребовали, чтобы он оставил работу, сменил обстановку и избегал волнений. Пришлось послушаться. Но сидеть без дела он не привык.

И тут повезло: нашлось дело по душе – дежурным на причале. Всегда на свежем воздухе, на людях. Принимал и отправлял теплоходы. Чувствовал себя полезным членом общества, а для семьи – помощником: все же регулярно приносил зарплату. И он поставил перед собой задачу: недуг побороть!

Однако, болезни атаковали: случился инфаркт. Не сдался сибиряк! По совету врачей занимался физическими упражнениями, посильным трудом. И совсем было собрался вновь выйти на работу, как вдруг скрутило живот. Эскулапы предположили рак. Прооперировали, убрали все «лишнее», и он снова встал на ноги. Ежедневные прогулки, физкультура помогли окрепнуть. Николай Алексеевич решил, что самое плохое осталось позади.

В лес и на рыбалку, конечно, пойти не могу, - говаривал он, - но через полгодика – год снова буду на коне. Болезнь – зло, и я верю, что оно будет мною одолено.

Наметил цель – обязательно отметить своё 80-летие. Увы! Не дожил всего 9 дней. Сходил в поликлинику, где врачи отметили улучшение в работе сердца (так показала ЭКГ), и уже на подходе к дому почувствовал себя плохо. Сердце остановилось...